

Романцев сделал из меня футболиста. Но думаю, что я был самым нелюбимым его игроком

До сих пор перед глазами картина осени 2000 года. Сидят Олег Романцев, спортивный директор Александр Шикинов, гендиректор Юрий Заварзин, доктор Юрий Васильков и я. И объявляют мне, что больше в «Спартаке» играть не буду.

Васильков предложил мне самому сказать в печати, что у меня проблемы со здоровьем и мне надо отдохнуть. Я ответил: «Да после таких слов меня ни в одну команду не возьмут!» Спросил, какую за меня попросят цену, чтобы я мог обратиться в какой-то другой клуб. Сказали, что 700 тысяч долларов. Но если для «Локомотива», добавил Заварзин, то будет намного больше. Железнодорожники на тот момент были главными конкурентами. То есть «Спартаку» я не был нужен, а усиливать «Локомотив» они не хотели.

В «Локомотив» я мог перейти гораздо раньше – году в 93-м или 94-м. Сначала меня и еще одного игрока хотели отдать в аренду в «Тюмень». Туда я ехать отказался, решив, что лучше буду в дубле. И тут как раз позвонили из «Локомотива», после чего мы встретились с Юрием Семиным и Валерием Филатовым. Вот их слова: «Если сейчас перейдешь к нам в аренду, мы тебе сразу машину дадим. А если потом станешь уже полностью нашим игроком, – квартиру».

Пришел к Романцеву, все рассказал. Олег Иванович отреагировал так: «Андрей, это для тебя будет новый футбол, другие футболисты. Как ты себя будешь там чувствовать – неизвестно. А ты-то сам как хочешь?» Я ответил, что хочу играть в «Спартаке». «Ну все, тогда оставайся и работай. А сейчас позови ко мне Жилиева». Пришел Валерий Жилиев, который, кстати, очень много для меня сделал. Сколько времени он уговаривал в институт поступить – и только когда мне было 26, этого добился!

А тогда они с Романцевым мне сразу дали однокомнатную квартиру. Хотя я не просил и остался бы в «Спартаке» даже в том случае, если бы никакой квартиры не было. Так я и остался дожидаться своего часа. И дождался. В 96-м.

Титов в своей книге высказал мнение, что я в «Спартаке» был в личном «рейтинге» Романцева лишь на пятом-шестом месте? Скажу вам больше. Думаю, что я был самым нелюбимым футболистом Романцева. Не случайно вскоре после сезона 1996 года, когда мы с Ярцевым стали чемпионами России, а потом Олег Иванович вернулся, и у меня на тренировке что-то не получалось, он вдруг резко сказал: «Не хочешь работать – иди с тренировки!»

А дело все, мне кажется, в том, что после той победы в 96-м меня было, что называется, слишком много – в прессе, на телевидении. По мнению Романцева, к одной личности было приковано чрезмерное внимание. А, учитывая, что того успеха мы добились при Ярцеве, возможно, возникла какая-то ревность. Эти мои мысли подтверждает то, что подобное отношение я почувствовал именно после 96-го, а прежде, когда я еще не был твердым игроком основного состава, такого не было.

Аленичев и Титов были у Романцева любимыми футболистами, ко мне же внешнее отношение было поверхностным и ровным. Но я всегда знал, вернее, чувствовал, что стоит мне дать повод – и все закончится. Может, Олегу Ивановичу не нравилось, как я иногда общался с футболистами, что высказывал в прессе – потому что никогда не молчал и старался говорить то, что думаю. При этом никого никогда не оскорблял – и

тем более не говорил ничего против Романцева. Его все в команде, в том числе и я, слушали с открытым ртом. Да и что я мог сказать против человека, который из меня футболиста сделал?..

В 99-м, будучи крайним полузащитником, я забил в чемпионате 19 голов, сделал 16 голевых передач, это был один из лучших моих сезонов. А потом в одном из первых туров чемпионата-2000 мы играли с «Локомотивом». Матч тот я провел хорошо. Но в самом конце при счете 0:0 назначили пенальти, и я Нигматуллину забить не смог.

После этого у меня буквально все из рук – или из ног – повалилось. Может, когда в одном сезоне забиваешь чуть ли не в каждом матче, а тут три-четыре игры обходишься без гола, да еще и пенальти не реализуешь – волей-неволей какая-то нервозность появляется. Думаешь, что надо, надо, надо забить – и это начинает над тобой довлеть.

Романцев сказал, что мне нужны были новые эмоции, свежий взгляд, и решением об отчислении меня сохранили для футбола еще на десять лет? Это точка зрения Олега Ивановича. Я так не думаю. Просто тот год был для меня плохим. Многие футболисты проходят через сезоны, когда у них что-то не получается. Может быть, закончился бы 2000-й – и все стало бы, как раньше. Разве у игрока, годом ранее забившего 19 мячей и признанного прессой лучшим футболистом чемпионата, все могло исчезнуть за какие-то месяцы? Но терпеть и ждать, пока это произойдет, в «Спартаке» не стали.

Все называют главным поводом для моего отчисления эксцесс в раздевалке после проигранного матча с «Реалом» в Лиге чемпионов. Лично я думаю, что решение было принято до того. Да там, на «Сантьяго Бернабеу», по большому счету, ничего и не было! Я сказал Вите Булатову по поводу эпизода, когда он с левой ноги вдруг ударил с 40 метров: «Ты что, Роберто Карлосом себя вообразил?»

Как капитан, думаю, имел на это право. Булатов мне что-то ответил, и Романцев его поддержал. Мнение, будто в тот момент я что-то резкое сказал Олегу Ивановичу, ошибочно. Я просто ударил бутсой об пол раздевалки! Никогда Романцеву ничего не говорил – в том числе и тогда. Но, видимо, удара бутсой об пол оказалось достаточно.

Были, считаю, у моего отлучения от команды и нефутбольные причины. Один человек, который работал тогда в верхах «Спартака», потом сказал мне прямым текстом, что меня «сплавил» тогдашний помощник Романцева [Вячеслав Грозный](#).

Зачем он нужен был Олегу Ивановичу – не знаю. Сколько лет знакомы с Романцевым – во время матчей он всегда спокойно сидел на скамейке. А после того, как появился Грозный, начал вскакивать с лавки и «пихать» игрокам. Люди рассказывали, что со стороны этого человека шел постоянный негатив, который начал воздействовать и на Романцева. Олег Иванович в какой-то мере даже изменил своей тренерской методике. До 28 лет я, к примеру, не знал, что такое «тест Купера», три километра на время и что-то подобное. Мы всегда функционально готовились через работу с мячом – и все было в порядке. А тут вдруг начали бегать. И вообще что-то поменялось, и негатив в Романцеве стал брать верх.

С игроками Грозный был на дружеской ноге, и мы принимали его поведение за чистую монету. Порой откровенничали с ним, чего делать не следовало. Как потом ока-

залось, Грозный «копал» и под меня, и под Егора Титова. Ему требовалось высвободить места для своих ставленников – Артема Безродного и Максима Калиниченко. К самим игрокам у меня претензий нет. Хотя где теперь «сын» Грозного, который стал левым полузащитником после моего отчисления, – Безродный? А вот за Максима, которого уважаю, очень рад: он провел отличные годы в «Спартаке», да и в «Днепре» играет хорошо. Оказавшись вместе на отдыхе, мы разговаривали с ним на все эти темы, и я абсолютно верю ему в том, что об интригах Грозного он ничего не знал. Грозный постоянно спрашивал, что мы думаем по тому поводу, а что – по этому. А потом, как выяснилось, тут же бежал к Романцеву и преподносил это так, как ему было выгодно. В итоге меня Грозному убрать удалось, а Егора – нет. Одну историю, думаю, Вячеслав Викторович использовал по максимуму.

Романцев не переносил, когда к нему приходили с финансовыми вопросами. Но в 2000 году был период, когда нам не платили премиальные и были задержки по зарплате. Долгое время все молчали, не решались открыто высказаться. Но в конце концов я как капитан понял, что надо объясниться. И после тренировки сказал доктору Василькову, чтобы тот шел за Романцевым. А к кому еще нам было обращаться, если он был президентом клуба? Вся команда собралась в комнате, где у нас были просмотры матчей. Когда Романцев пришел, он сначала сильно удивился тому, что там вся команда сидит. На мой прямой вопрос, когда будут деньги, он спросил: «А какие тебе еще деньги нужны?» Я ответил, что мне – никакие, после чего попросил его объяснить ребятам ситуацию по долгам. Чтобы они знали не через пятые руки, когда и сколько получат.

Знаю, что это стало еще одним камнем в мой огород. Инициативу я, что называется, проявил на свою голову. Если бы помалкивал в тряпочку и думал только о себе, а не о команде – может, еще много лет отыграл бы в «Спартаке». Видимо, меня нужно было убрать именно в тот момент, чтобы на остаток сезона подстегнуть футболистов. Чтобы больше боялись. Чтобы был стимул засучить рукава, лучше работать – и при этом держать рот на замке.

При этом подчеркну: для меня Романцев – лучший тренер в российской футбольной истории. И я бы очень хотел, чтобы он вернулся к активной тренерской деятельности. Но верится в это, если честно, с трудом.

Сейчас у меня с Олегом Ивановичем хорошие отношения. Не могу сказать, что созваниваемся, но когда видимся, общаемся, как ни в чем не бывало. Но в сентябре, в сам момент отчисления ситуация возникла неприятная. Поехал за вещами, а охранники говорят: «Извини, мы тебя на базу не пустим». И на чемпионское чествование не пригласили – видимо, боялись «неправильной» реакции болельщиков. Я даже не обиделся, потому что знал: не позовут. Слышал и о том, что следующей весной, когда я перешел в «Крылья Советов», в Лужниках запретили показывать видео, где я призывал болельщиков «Спартака» поддержать самарский клуб в матче с «Динамо». И золотую медаль за 2000 год так и не вручили – хотя не доиграл я до конца сезона всего два месяца. Когда спустя годы об этом пошел публичный разговор, и я сам рассказал об этом, Жиляев привез вроде как недоданные мне медали, но на самом деле – железяки вроде тех, которые давали в детской школе. К настоящим медалям они не имели никакого отношения.

Уже когда Романцева не было в команде, так же стремительно из нее убрали Аленичева, Титова... Я называю это спартаковским стилем расставания с людьми. Вот как есть спартаковский стиль в игре, так и тут – не провожать, а выгонять. Словно передается от тренера к тренеру. Но я, кстати, не думаю, что Черчесов убрал того же Егора по собственной инициативе. Полагаю, это было просто сделано его руками. Черчесов утверждает обратное? Раз говорит – то, наверное, отвечает за свои слова. И все же мое мнение, что разговор наверху у него до того был.

А Алень?! Видимо, тренеры не любят тех, кто задает какие-то вопросы, за команду переживает, участвует в ее жизни. Аленичев после многих лет в Европе стал слишком правильным человеком. И, видимо, выслушивая его вопросы, Старков не чувствовал себя комфортно.

Думаю, что все эти «отставки» ветеранов посреди сезона идут не без участия Федун. Впрочем, это мое лично

е мнение.

Однажды Карпин (в эфире телеканала «Спорт». – Прим. И. Р.) назвал мои слова о Веллитоне «бредом сумасшедшего». Говорил я о том, что мы играли только за любовь к «Спартаку», в то время как деньги нам платили очень небольшие. А Веллитон, как и остальные бразильцы, приехал в Россию на 3-4 года заработать денег. И, какими бы хорошими футболистами они ни были и какую пользу команде ни приносили, настоящей любви к «Спартаку» у них не было и не будет. И даже если поцелуют майку с эмблемой – это будет напоказ.

Не хотел сказать о Веллитоне ничего плохого. Просто говорил о разнице в мотивах выступлений за команду бывших и нынешних спартаковцев. Говорил и о том, что бразильцу помогает стабильно забивать 11-й номер, который в «Спартаке» был исторически «забивным». То есть подчеркивал клубную традицию, в чем ничего плохого не вижу. И вдруг читаю в свой адрес: «бред сумасшедшего». Объясняю это просто. На тот момент Карпин говорил все, что хотел.

Там каждая цитата была – хоть стой, хоть падай! Взять хотя бы его слова в интервью «НТВ-плюс» после поражения от «Динамо» в первом туре: «Игра была равна, играли два...» Карпин недоговорил, но все мы – не первый день в футболе и знаем, о чем идет речь. Он, конечно, может сделать непонимающее лицо и сказать, что не имел в виду слово «говна».

Но совершенно правильной была реакция капитана «Динамо» Дмитрия Хохлова, который сказал, что в таких выражениях тренер, если хочет, пусть говорит о своей команде, а вот о чужой – не надо. Играй я в «Динамо» – тоже бы оскорбился. Да и свою команду в моей практике тренер никогда так не называл. Получается, если он назвал команду «говном», значит, и каждый ее футболист – тоже «говно»? Но ведь тренер – тоже часть команды, разве не так? И что тогда означает высказывание Карпина? Считаю, что так говорить было с его стороны в любом случае неправильно.

Карпин не был молчуном – и сейчас он такой же. Он всегда был эмоциональным и поэтому говорил в лицо то, что думал. Но, будучи главным тренером, наверное, иногда лучше выбирать выражения. Много раз после таких высказываний я слышал в том числе и от спартаковских болельщиков, что Карпин, видимо, «корону надел». Но потом все резко поменялось. Когда у «Спартака» пошли неудачи, он начал говорить: «в поражении виноват я», «я допустил такую-то ошибку» – и так далее. Тональность его интервью сразу же изменилась!

Тем не менее к его деятельности на посту главного тренера «Спартака» отношусь нормально. Не знаю, занимается ли он как гендиректор своими делами, но «Спартак» играет. Видно, что Карпин знает и чувствует футбол изнутри. Поэтому я хотел бы, чтобы он остался во главе команды и работал дальше.

Не думаю, что Карпина звали в «Спартак» с тем прицелом, чтобы он стал главным тренером. Видимо, Федун хотел позвать спартаковца на должность гендиректора. Требовался бывший игрок «Спартака» с громким именем, материально независимый, с большими амбициями, плюс к тому – знающий европейский футбол. Его поставили, чтобы навести порядок в клубе.

Но Карпин привел Лаудрупа, у которого дело не пошло. Команда опускалась все ниже, поэтому нужно было отвечать за свои действия. Вот Валера сам и взялся за тренерскую работу, и этот шаг вызывает у меня уважение. Не побоялся, не подал в отставку, не убежал от проблем, а взялся за работу, засучив рукава. И пусть на тренерскую скамейку «Спартака» Карпина привело стечение обстоятельств, думаю, все у него получится.